

5. Harris Z. String analysis of sentence structure. Hague, 1964.
6. Гордей А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения // Пятые научные чтения, посвященные памяти профессоров В. А. Карпова и С. М. Прохоровой, Минск, ГУ, 18-19 марта 2011 г. / редкол. : А. И. Головня и др. Минск : Бел. Дом печати, 2011.
7. Задоев Т. П. Учебник китайского языка. М.: Наука, 1993.
8. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск : ГУ, 1998.
9. Мартынов В. В. В центре сознания человека. Минск : ГУ, 2009.
10. Карапетянц А. М., Тань Аошуан. Учебник классического китайского языка взънянь. Начальный курс. М. : Изд-во «Муравей», 2001.
11. 古代汉语字典(大字本). 北京 : 商务印书馆, 2002.
12. 现代汉语字典:2002年增补本 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京:商务印书馆, 2002.
13. 新华词典 / 商务印书馆辞书研究中心修订. 北京:商务印书馆, 2001.
14. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык // Под общ. ред. проф. Г. П. Сердюченко. М.: Изд-во «Наука», 1965.
15. Никитина Т. Н. Грамматика древнекитайских текстов. Конструкции с особыми глаголами и прилагательными. Необычные функции знаменательных слов. Служебные слова. Структура текста: учебн. пособие. Л.: Ленинградский университет, 1982.
16. Pulleyblank E. G. Outline of Classical Chinese Grammar. Vancouver, Canada : UBC Press, 1995.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Д. О. Мазаник

*ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси»,
ул. Академическая 1, г. Минск, Беларусь, dmitrymazanik42@gmail.com*

В статье описаны особенности семантической категории каузативности в соотношении с категориями причинности и результативности на материале китайского языка. На основе синергетических и комбинаторных методов удалось разграничить общую причинность и каузативность. Для каузативной квалификации причинно-следственных отношений необходимым и достаточным является отсутствие информационно-физических, или синергетических, переходов. Результативность на лексическом уровне является средством экспликации синергетических переходов в китайском языке.

Ключевые слова: каузативность; причинно-следственные отношения; синергетический переход; акция; онтология.

SYNERGETIC TRANSITION IN THE CHINESE MODEL OF THE WORLD

D. O. Mazanik

*State Scientific Institution "Center for System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus", st. Akademicheskaya 1, Minsk, Belarus,
dmitrymazanik42@gmail.com*

The article describes the features of the semantic category of causativity in relation to the categories of cause-and-effect and resultativity on the material of the Chinese language. On the basis of synergetic and combinatorial methods, it is possible to distinguish between general cause-and-effect relations and causativity. For the causative qualification of cause-and-effect relations, the absence of information-physical, or synergetic, transitions is necessary and sufficient. Resultativity on the lexical level is a means of explicating synergetic transitions in the Chinese language.

Keywords: causativity; cause-and-effect relations; synergetic transition; action; ontology.

К одним из ключевых типов взаимоотношений между индивидами относятся каузация и причинность. Их репрезентация в языке и экспликация в модели мира имеют принципиальное значение для анализа событий и последующего управления ими.

Мы предлагаем следующее определение: каузативность – такое отношение между индивидами, при котором субъект, роль которого играет живой индивид, физически или информационно воздействует на объект, в результате чего происходит изменение или перемещение объекта.

Наблюдатель соотносит два события таким образом, что каузируемое событие имеет место после каузирующего. Однако анализ ситуации человеком далеко не всегда соотнобразуется с законами логики и научным знанием. Языковая картина мира и модель мира не тождественны друг другу: язык и речь как его реализация на материальном носителе полны условностей и метафор. От точности анализа структуры событий зависит наша способность контролировать и понимать их. На объект воздействует множество факторов, но выражение в речи находит лишь тот, который говорящий считает основным для реализации события.

Согласно положениям комбинаторной семантики, субъектом-инициатором акции должен выступать именно живой индивид – только в таком случае можно говорить о целенаправленности акции. Под «целенаправленностью» мы понимаем не намерение совершить какое-либо действие, а вектор акции от субъекта к объекту. В ходе каузации

живой субъект передаёт объекту определенный физический импульс или информацию, в результате чего процесс запускается и развивается уже автоматически. Роль субъекта заключается в том, чтобы инициировать данный процесс.

Разберем онтологию каузативного предложения «Дровосек топором срубил дерево». Ситуацию можно проанализировать следующим образом: живой индивид «дровосек» в роли субъекта посредством инструмента «топор» физически воздействует на объект «дерево» и тем самым вызывает у него новое состояние – «расчлененность». Подлежащее «дровосек» при этом отображается в субъект.

Во фразе «Молния расколола дерево» роль подлежащего уже играет неживой индивид. Данное предложение – антропоморфная проекция, приписывание целенаправленного действия стихии. «Молния» – инструмент, средство воздействия на объект. Подлежащее «молния» отображается в инструмент, что указывает на метафору. Языковая картина мира «отстает» от модели мира, и с точки зрения наблюдателя данную ситуацию можно квалифицировать как каузативную. В этом случае мы имеем дело с метафорической каузацией.

Мы полагаем, что субъектом в данной ситуации является некая высшая сила. При прямой предикации предложение будет иметь вид «Высшая сила (S) молнией (I) расколола (A) дерево (O)». Можно провести параллель с китайским языком: в конструкциях типа 下雨了 [xià yǔle] «пошел дождь» можно восстановить подлежащее «небо» — 天 下雨了 [tiān xià yǔle] «небо (S) заставляет пойти/опускает (A) дождь (O)». Стилистика китайского языка позволяет восстановить в предложении субъект и тем самым более полно отразить структуру ситуации [1, с. 20].

Есть множество конструкций, в которых речь идет о переходе объекта в новое состояние, но роль каузатора в них играет не живой индивид, а процесс или отдельное событие. Учитывая сформулированное нами определение, предложения вроде «Ее улыбка обрадовала меня» также можно признать каузативным, хотя роль формального каузатора «улыбка» играет неживой индивид. Семантический анализ показывает, что каузатором в ситуации является человек: «Она (S) посредством улыбки (I) обрадовала (A) меня (O)». «Эта новость расстроила его», которое можно развернуть в «Некто (S) посредством новости (I) расстроил (A) его (O)», или «Твой поступок заставил его уйти» – «Ты (S) посредством поступка (I) заставил (A) его (O) уйти».

Каузативные конструкции можно перестроить в семантически эквивалентные причинно-следственные, но не наоборот: «Ее улыбка

обрадовала меня» – «Я обрадовался из-за ее улыбки», «Твой поступок заставил его уйти» – «Он ушел из-за твоего поступка». Таким образом, все каузативные отношения являются причинно-следственными, но не все причинно-следственные отношения являются каузативными. Здесь возникает вопрос о разграничении каузативности и причинно-следственных отношений.

Анализ причинно-следственных конструкций подразумевает разбор онтологии события, что выводит нас за пределы языковой реальности. Когнитивные, ментальные и языковые процессы находятся в постоянном взаимодействии. В этой связи стоит упомянуть Сантьягскую теорию познания У. Матураны и Ф. Варелы, согласно которой ментальная деятельность – организующая деятельность живых систем на всех уровнях жизни, а познание — собственно процесс жизни [2, с. 56]. Отсюда следует, что для более глубокого изучения естественных языков, которые представляют собой открытые системы, является полезным приложением системного анализа и синергетических методов.

Например, Я. ван дер Хейден указывает на перспективы теории взаимодействия трех миров К. Поппера и Дж. Экклса в системных лингвистических исследованиях. Согласно концепции К. Поппера и Дж. Экклса, человек существует одновременно в трех взаимодействующих друг с другом мирах – физическом, ментальном и психическом [3, с. 354–360]. В данном контексте также интересны идеи Г. Х. фон Вригта о психофизическом взаимодействии, основанные на положении о «каузальной замкнутости физического порядка вещей» [4, с. 11].

Мы полагаем, что для каузативной квалификации причинно-следственных отношений необходимо и достаточно отсутствие в corteже процессов информационно-физических, или синергетических, переходов. Проанализируем фразу «Здесь Бирк остановился, как бы собираясь с воспоминаниями. Последние его слова заставили многих переглянуться».

С точки зрения онтологии ситуации, субъект («Бирк» – S) передал («сказал» – A) собеседникам («многие» – M (ориентир)) некоторую информацию (O) посредством «слов» (I), а уже после обработки полученной информации медиаторы первой ситуации в качестве субъектов второй решили переглянуться друг с другом. В одном предложении мы наблюдаем две ситуации, которые объединяет информация, переданная субъектом и полученная медиатором.

Однозначная классификация каузативных знаков на информационные и физические затруднена: знаки типа «вызывать» обладают недифференцированной физической/информационной семантикой. В отрыве от контекста мы не можем с определенностью

утверждать, какой именно процесс имеется в виду. Это положение согласуется с контекстно зависимой версией композиционной семантики. В соответствии с принципом композиционности, среди последователей которой были философ Л. Витгенштейн и лингвист Л. Ельмслев, языковая единица не имеет фиксированного смысла вне некоторого контекста [5, с. 9]. Смысл целого формируется в процессе сочетаемостных операций и рассматривается как функция от компонентов.

Китайские процессуальные знаки типа 使 shǐ и 令 lìng можно отнести к каузативным знакам, не выражающим каузируемое состояние. 使 shǐ и 令 lìng часто выступают в качестве первого сказуемого в последовательно-связанных предложениях и указывают на инициацию процесса, в то время как на новое состояние указывает уже второе сказуемое. Приведем несколько примеров [6]:

刚刚发出的命令刺激了他, **使他清醒了**。

«Только что отправленный приказ взбудоражил его, **отрезвил его**» (буквально «заставил его отрезветь»).

他日, 我们的关系, 不论变成怎样, 想着时, 都**使我害怕**。

«В будущем наши отношения, какими бы они ни были, когда я о них думаю, **пугают меня**» (буквально «заставляют меня пугаться»).

现在我爸妈哥姐都知道了, 他们拿我当病人看, 什么事都依着我, **使我不安**。

«Сейчас мои родители, братья и сестры относятся ко мне, как к больному, и во всем соглашаются со мной, **что меня беспокоит**» (буквально «заставляет меня беспокоиться»).

苏醒的恶梦和强迫观念, **使“先生”的身体僵化**...

«Пробудившиеся кошмары и навязчивые идеи **заставили тело «господина» оцепенеть**...».

Если в предложении роль подлежащего играет знак, который указывает на некоторое событие или положение дел, или оно является рекурсивным, то возможна экспликация информационно-физических переходов:

Сказуемые в последовательно-связанном предложении должны быть элементами одной акциональной цепочки. Например, формально последовательно-связанные предложения вроде 我有朋友姓王 [Wǒ yǒu péngyǒu xìng Wáng] «У меня есть друг по фамилии Ван» нельзя определить как каузативные, поскольку в них отсутствует воздействие, которое приводит к новому состоянию. Первое сказуемое в цепочке указывает на инициацию и общий характер процесса («вызывать», заставлять), в то время как второе указывает на новое состояние, в

которое перешел объект. Знаки типа 使 shǐ и 令 ling с недифференцированной физической / информационной семантикой в роли сказуемого могут комбинироваться с подлежащим, указывающим на отдельное информационное или физическое событие. Итог воздействия на субъект при этом также может быть как физическим, так и информационным – это зависит от точки зрения наблюдателя. В случае, если наблюдатель квалифицирует импульс воздействия и вызванное им новое состояние как разноуниверсальные, то речь идет об информационно-физических переходах.

Информационно-физический переход может проявляться и внутри лексемы. В данном контексте следует проследить связь между категориями каузативности и результативности.

Как отмечает Б. Бянка, составные результативы по своей сути каузативны: в отличие от других глаголов, в них отражены и каузирующее событие, и результат [7, с. 135]. Каузативное значение проявляется в конструкциях с процессуальными знаками 弄 nòng «делать», 搞 gǎo «делать, выполнять», 打 dǎ «бить ударять». В комбинации с результативами они проявляют каузативную семантику [7, с. 135]:

老张弄破窗子。

«Старина Чжан сломал окно».

На примере 弄 nòng, 搞 gǎo и 打 dǎ можно наблюдать, как процессуальные знаки с недифференцированной семантикой начинают проявлять каузативность после присоединения результативного модификатора. Таким образом, можно утверждать, что результативность является проявлением каузативности в синтаксисе.

Составные результативы могут обозначать информационно-физический переход на уровне знака. В качестве примера приведем результатив 气死 qìsǐ «рассердить до смерти». 气 qì обозначает информационный процесс «сердиться, злиться», а результативный модификатор 死 sǐ «умирать» обозначает физический итог действия — смерть. Таким образом, синергетический переход в структуре события может быть отображен в языке внутри лексемы. Пример [6]:

可怜的孽障！单是这封信就能把她气死。

«Как жалко, горе ты мое! Одно это письмо может рассердить её до смерти».

Пример с результативным биномом 烦死 fán sǐ «надоесть до смерти»:

两位大人，别理这个笨蛋，他真能把人烦死。

«[Вы] два взрослых человека, не обращайтесь внимания на этого дурака, он действительно надоедает людям до смерти».

Отметим, что 烦死 fǎnsǐ и 气死 qìsǐ являются номинативными единицами, в отличие от их переводов на русский язык, которые являются сочетаниями и структура которых может быть нарушена: «надоестъ ему до смерти» или «рассердить его до смерти».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гордей А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск: Белгосуниверситет, 1998.
2. Капра Ф. Скрытые связи. М.: ООО Издательский дом «София», 2004.
3. Heiden U. an der. Three Worlds Interactionism and Developmental Psychology: Perspectives of the Synergetic Approach // Synergetics of Cognition. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 1990.
4. Вригт Г. Х. фон. Психо-физическое взаимодействие и замкнутость физического миропорядка // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
5. Золян С. Т. Семантика знака в языке и в тексте. // Иностранные языки в высшей школе. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2015. Вып. 2 (33).
6. BCC 语料库= Корпус текстов китайского языка Пекинского лингвистического университета. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn> (дата обращения: 25.04.2020).
7. Bianca B. Verbal compounding and causativity in Mandarin Chinese. Verona: Università Degli Studi di Verona, 2011.

ПОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКА УРДУ И ЕГО СТАТУС В ИНДИИ И ПАКИСТАНЕ

М. К. Мирзаева

*Ташкентский Государственный Университет Востоковедения, Республика Узбекистан,
город Ташкент, улица Шахрисабз, 25, 3188196@mail.ru*

В этой статье рассказывается об истории урду и его положении в основном в Индии и частично в Пакистане, поскольку он возник в прошлые века, занял свое место во время политических конфликтов в Индии и обогатился различиями с хинди и другими языками, и теперь является единственным языком Индии и Пакистана. В то же время считается, что этот уникальный язык со временем эволюционировал в обеих странах, Индии и Пакистане, и нашел свое место среди широкой публики с его литературой и культурой, на что обращали внимание многие ученые урду.

Ключевые слова: Индия; Пакистан; урду; хиндустани; ректа; дакхини; дехлави; декан; орда; Дж. Гилкрист; Саид Ахмад Хан; индуистские арийские языки.